

ИНТЕРВЬЮ «МК»

Владимир ВАСИЛЬЕВ:

ИСКУССТВО — ЭТО
ВЕЧНЫЙ ПОИСК

Выдающийся танцовщик Большого театра СССР, лауреат Ленинской премии Владимир ВАСИЛЬЕВ в беседе с корреспондентом АПН Валерием САНКОВЫМ размышляет о современном искусстве балета, рассказывает о своих работах, планах на будущее.

— Чем будет примечателен лично для вас новый балетный сезон?

— Намерений много. Скажу лишь о вещах вполне определенных. В Париже 16 ноября ЮНЕСКО организует вечер, посвященный нашей великой балерине Галине Сергеевне Улановой. Мне предстоит выступить на этом венере. Готовлю новый хореографический номер. По возвращении из Франции приступлю на Ленинградском телевидении к постановке балета «Анна на шее» по Чехову композитора Валерия Гаврилина. А на сцене Большого театра к концу сезона планирую поставить балет на музыку Равеля и Дебюсси.

— Многие, кто знает вашу творческую биографию, думают, что вам всегда все удается. Целеустремленность — это ваше качество?..

— Домашние и те, кто меня хорошо знает, так не считают. По их мнению, я — человек разбросанный. Хотя мне самому кажется, что, отвлекаясь на разные идеи, дела, я, может быть, приобретаю нечто для себя необходимое. Например, недавно мне предложили поставить танцы к новому спектаклю «Юнона» и «Авось» по Андрею Вознесенскому в Московском драматическом театре имени Ленинского комсомола. Друзья отговаривали: зачем разбрасываться? Труппа в этом театре, мол, для серьезной хореографии не подготовлена. Но мне была интересна сама задача: как, располагая малыми возможностями, малыми средствами в смысле хореографического исполнительства, добиться максимального эффекта. И я взялся.

— В репертуаре Большого театра три ваших балета: «Икар», «Эти чарующие звуки», «Макбет». Легко ли далась вам их постановка?

— Тяжело. Особенно «Икара». Хотя, если судить по затраченному времени, то, возможно, этого и не скажешь. «Эти чарующие звуки» я поставил за полтора месяца, «Макбета» за три месяца... Но подготовительный период у всех работ был и длительный, и сложный. Так, с автором музыки «Макбета» Кириллом Молчановым мы два года разрабатывали либретто, искали музыкальные характеристики образов.

Пожалуй, уже лет семь-восемь я вынашиваю мысль о новой постановке балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». Вижу совершенно иной балет, с иным сценарным планом, хотя классическая основа танца останется. Пока это мечта...

Многое хотелось бы поставить. Но совмещать исполнительство с балетмейстерской деятельностью очень сложно. Пока ставлю балет, не выхожу на сцену. А ведь это месяцы. Танцевать же хочется...

— Какие партии вы считаете этапными в своей сценической биографии?

— Пан в «Вальпургиевой ночи» (1958 год) был моей первой сольной партией. Пан «перебросил» меня из кордебалета в солисты. Данила в «Каменном цветке» — первая настоящая большая роль с интересным драматургическим развитием. И сам балет Юрия Григоровича — насквозь новаторский — был этапным для всего советского балетного искусства. Базиль в «Дон Кихоте» научил меня тому, как надо давать новое дыхание старым спектаклям, как надо относиться к вводам в уже сложившиеся ансамбли, отходить от канонизированных первыми исполнителями трактовок классических партий, отталкиваясь от своей индивидуальности, а не слепо копировать пусть даже самые лучшие образцы. Принц в «Щелкунчике» и Альберт в «Жизели» — это мое возвращение к высокой и чистой классике. Партия Спартака — этап среди всех этапов. Образ Спартака в решении постановщика Юрия Григоровича по своей сути наиболее близок мне, как человеку. Это самый сложный балет по технике танца, физической нагрузке.

— Язык хореографии условен, как, пожалуй, никакой другой язык искусства. Можно ли на этом языке «говорить» с современниками о том, что актуально сегодня, сейчас?

— Балету, безусловно, подвластно выражение современных идей, мыслей, чувств. Все в мире меняется, в том числе и техника, лексика танца. А темы искусства вечны — добро, зло, любовь, смерть, борьба... Но чтобы на эти темы говорить, заставить о них по-настоящему задуматься новые поколения, нужно постоянно искать новые формы, новую лексику. Искусство — это вечный поиск...

— Ваше кредо в творчестве?

— По-моему, как только художник формулирует свое кредо, он ставит себя тем самым в определенные рамки. А это мешает творить. Должно быть неиссякаемое стремление ко всему новому — новым идеям, жанрам. Стремление творить во имя добра, во имя того, что делает человека счастливым.

— Кто на вас, как артиста, оказал наибольшее влияние?

— Прежде всего мои педагоги — Михаил Габович, Алексей Ермолаев, Касьян Голейзовский, Юрий Григорович. А из зарубежных хореографов — Морис Бежар, в балетах которого — «Петрушка» на музыку Стравинского и «Ромео и Юлия» на музыку Берлиоза, — я участвовал.

— Есть ли у вас ученики?

— Ученики? Никогда не задумывался об этом. Я ни с кем специально не занимаюсь. Но, естественно, много репетирую с исполнителями, когда ставлю балет, выстраиваю роль. Люблю репетиционную работу. А учитель, как известно, — это не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. Может быть, и из того, что я делаю в искусстве, кто-то впитывает в себя наиболее яркое, нужное и потом использует в своих работах. Надеюсь...

(АПН).